

**К БИОГРАФИИ Н. А. КЛЮЕВА
ПОСЛЕДНЕГО ПЕРИОДА ЕГО ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА
(По материалам семейного архива Б. Н. Кравченко)**

Публикация А. И. Михайлова

Последний период жизни и творчества самобытного русского поэта Николая Алексеевича Ключева (1884—1937), снискавшего своей уникальной картиной «избяного космоса» и поэтической философией потаенной сущности крестьянского бытия мировую известность, охватывает конец 20-х (примерно с 1928 г.) и 30-е годы — до октября 1937 г., когда поэт был расстрелян.¹ На общей жизненной канве поэта этот период определяется следующим образом. 1912—1917 гг. — Ключев уверенно входит в ряды первых поэтов России, как певец и философ (с пророческим уклоном) полумифического мира земледельческой цивилизации («избяная Индия», «берестяный рай»). 1918—1921 гг. — период активных, но тщетных попыток поэта согласовать идеалы и предания крестьянской Руси с революционной ломкой страны. 1922—1927 гг. — начало «аввакумовского» пути поэта, период его отчуждения от новой действительности, вызов ей и противопоставление «прогрессистам» и вульгарным социологам своих патриархальных идеалов, за что поэт объявляется с их стороны «врагом», но ему еще удается печататься. В 1928 г. выходит последний сборник его стихов — «Изба и поле». 1929—1937 гг. — период изоляции поэта от общества: сначала творческой (его не печатают, новые произведения читаются самим автором на закрытых или полужакрытых литературных вечерах и распространяются в списках), затем (с 1934 г.) физической (арест и ссыл-

¹ См.: Пичурин А. Виновым себя не признавал: Последние страницы биографии Николая Ключева // Красное знамя. Томск, 1989. 17 февраля; Хардигов Ю. 1) Судьба поэта Николая Ключева // Знамя коммунизма. Томск, 1989. 3 июня; 2) «Кровь моя свяжет две эпохи...»: Неизвестные страницы биографии Николая Ключева // Красное знамя. Томск, 1989. 18 июня.

ка). Это годы наиболее драматических и трагических коллизий в жизни поэта, духовного и морального напряжения, попыток разорвать смыкающийся круг одиночества.

Через всю поэзию Ключева проходит тема поисков и обретения (а также потери) родственной души, близкого человека — в чуждом и враждебном мире. Это не только лирическая тема, но и линия собственного жизненного поведения поэта, приводившая его то к продолжительной переписке с Блоком, то к сближению и союзу с Есениным, то к дружбе с Н. И. Архиповым² и др. Именно на этой биографической основе и возникали, перерастая в жанр своеобразного лирического романа, послания поэта к своим друзьям — довольно древний жанр мировой лирики. В героине большинства стихотворений первого сборника Ключева «Сосен перезвон» (1911, на обложке и титульном листе — 1912) угадывается собирательный образ Марии, Елены и Евгении Добролюбовых, с которыми он был знаком по революционному движению 1905—1906 гг. Стихи второй книги «Песнослава» (1919), книги «Львиный хлеб» (1922), поэмы «Четвертый Рим» (1922) погружают читателя в мир глубоких душевных и исторических коллизий, сопутствующих сложным взаимоотношениям с Есениным, итогом которым подведен в поэме «Плач о Сергее Есенине» (1926). С 1928 г. (начало последнего периода) героем почти всех лирических обращений и посланий поэта становится только что начинающий свой творческий путь художник Анатолий Никифорович Яр-Кравченко (1911—1983).

Через Анатолия тесно сблизилась с Ключевым и вся семья Кравченко, о которой необходимо сказать несколько слов в качестве предкомментария к публикуемым ниже материалам. Отец художника Никифор Павлович Кравченко, украинец по национальности, родился в 1883 г. в г. Новоград-Волынский. В 1894 г. он окончил Криворожское народное училище, затем штейгерские курсы при Первом Кавказском горном округе (в местечке Чиатури) и в 1902 г. со званием мастера-штейгера поступил в управление строительством Китайско-восточной железной дороги (Маньчжурия). На всю жизнь профессия инженера путей сообщения становится основной, чем определился кочевой образ жизни семьи Кравченко. Мать поэта, Лидия Эдуардовна (в девичестве Дайлидо), родилась в 1887 г. в Гродно в семье бывших политических ссыльных полуполяков-полуфранцузов. В городе Том-

²Николай Ильич Архипов (1887—1967) — друг Ключева, начиная с вытегорского периода его жизни (1918—1923), редактор газеты «Звезда Вытегры», в дальнейшем директор петергофских музеев и парков.

ске окончила гимназию. В 1903 г. на станции Чжаланьтунь (КВЖД) она встретила с Никифором Павловичем Кравченко. Через три года, в 1906 г., они поженились.

Детей было шесть человек, но трое рано умерли; остались старший Владимир, средний Анатолий (родился 21 июня 1911 г. в Благовещенске на Амуре) и младший Борис (родился 10 июня 1913 г. там же), который и является хранителем доставшихся ему от семьи и прежде всего от брата Анатолия публикуемых ниже материалов последнего периода жизни и творчества Н. А. Клюева.

Ныне Б. Н. Кравченко проживает в Ленинграде. Его клюевский фонд включают письма, автографы, фотографии, рисованные Анатолием портреты Клюева, личные вещи поэта. Многие сохранила его память. И неудивительно: целых четыре года личного общения с Николаем Алексеевичем в быту запомнились на всю жизнь. В шутку он называет себя адъютантом Клюева. В период сибирского заточения поэта он в полном смысле выполнял роль связного: получал адресованные ему из Сибири письма для передачи брату, Вячеславу Шишкову, Алексею Толстому и Всеволоду Иванову, которых сосланный поэт не хотел компрометировать прямой связью с собой. О Б. Н. Кравченко (тогда подростке и юноше) Клюев неоднократно упоминает в письмах к Анатолию Яр-Кравченко начала 30-х годов (хранятся в Рукописном отделе ИРЛИ, в архиве Р. В. Иванова-Разумника).

Начать обзор конкретных клюевских материалов, хранящихся в архиве Б. Н. Кравченко, следует, пожалуй, со свидетельств дружеских, близких взаимоотношений между Клюевым и всей семьей Кравченко. Вот его приписка в поздравительном (с праздником Рождества Христова) письме Анатолия родителям из Москвы (где они вместе с Клюевым проживали) в Ленинград от 8 января 1933 г.: «Приветствую, поздравляю с праздником, желаю благоденствия и здоровья. Н. Клюев». Вот книга поэта «Лесные были» (1913), подаренная им Никифору Павловичу Кравченко 26 марта 1933 г. с дарственной надписью: «Дорогой Никифор Павлович — с Ангелом. 1933. Ленинград. Н. Клюев». Вот письмо Николая Алексеевича к Лидии Эдуардовне от 29 октября 1932 г. из Москвы в Ленинград с просьбой пожить у него в квартире во время его отлучки. Хранится у Бориса Никифоровича среди вещей, принадлежавших Клюеву, фибровый чемоданчик-несессер французской фирмы, а в нем бритвенный прибор фирмы «Gillette». История этого чемоданчика (как слышал Борис Никифорович от самого Клюева) такова. В июне 1924 г. приехал из Москвы в Ленинград Есенин и,

зайдя к своему бывшему другу, проживавшему тогда на улице Герцена (дом 45, кв. 8), принес ему подарок — вот этот привезенный из-за границы бритвенный прибор с наказом сбрить бороду и надеться, как и он, Есенин, в европейский костюм, продемонстрировав тем самым отказ от своей преданности заветам старины, упорным ревнителем которых Клюев тогда слыл (да и был им по существу). Клюева это даже рассердило. Но, несмотря на отказы, Есенин оставил у него свой подарок, которым тот никогда не пользовался, поскольку не брился, а только подстригал усы и бороду какими-то очень старинными ножничками (как и вообще во всем предпочитал пользоваться старинными вещами). Прибор оказался Клюеву без надобности, и он впоследствии подарил его Никифору Павловичу, который и пользовался им вплоть до своей смерти в 1950 г.

О самом знакомстве Анатолия с Клюевым, о начале их дружбы узнаем как от самого Б. Н. Кравченко, так и из хранящихся в его архиве документов.

После целого ряда вынужденных смен местожительства семья Кравченко обосновывается в 1922 г. в дачном месте под Киевом Святошино, где Анатолий начинает ходить в третий класс (два первых были закончены в Семипалатинске). Закончив семилетнюю школу уже в Чернигове, Анатолий в 1927 г. поступает в Киевский художественно-технический институт на подготовительные курсы и одновременно занимается у профессора живописи И. Ф. Селезнева, ученика П. П. Чистякова. Именно по его совету созревает у Анатолия решение поступить учиться в Академию художеств. С этой целью он и приезжает в апреле 1928 г. в Ленинград. Здесь уже жила со своим мужем тетка по матери Зинаида Эдуардовна Борисова. У Борисовых в общежитии (муж Зинаиды Эдуардовны Николай Георгиевич Борисов, в прошлом моряк, был студентом Второго Ленинградского медицинского института) он на первых порах и находит пристанище.

На другой день по приезде Анатолия в Ленинград, 11 апреля 1928 г., и состоялось его знакомство с Клюевым на выставке художественного фонда в «Обществе покровительства художников им. Куинджи», о чем он в тот же день сообщил в письме родителям: «Эта выставка находится на улице Герцена, дом 38. Вошел в это здание, романтическое, уютное и, боже мой, что я увидел — искусство! Все вещи одна другой лучше <...> Осматривая выставку, я увидел пожилого человека с бородой (вроде Шевченко в ссылке), в свитке простой деревенской и сапогах <...> Старичок смотрит, а вокруг него мнутя люди, да какие люди, все интеллигенция. Слышу, заго-

ворил, и знаешь, мама, как заговорил, как-то умно, осмысленно и толково. Посмотрел еще раз на старика и пошел смотреть в следующее отделение худ. Бухгольца. Хороший художник и колорист большой. Смотрю портреты всяких артистов, поэтов, вдруг вижу старика нарисованного. Читаю в каталоге номер такой-то, и что же оказывается? Клюев! Знаешь, что Есенина вывел в люди, т. е. в поэты. Вот мать честная! Подхожу к старику и кружусь, вроде как бы на картины моргаю, а куда к черту — на Клюева плясь! Смотрю, старичок подходит ко мне, спрашивает название карт<ины> и заговаривает об искусстве. Проходили мы мимо нарисованного портрета, я возьми да и сравни их обоих, портрет и Клюева. Заметил это. Стали говорить, я сейчас же вклинил о Есенине. Вижу, старичок ко мне совсем душу повернул. Я о Клюеве: дескать, роскошь — стихи! О Кравченко заикнулся — знает, о Нестерове — еще лучше и т. д. В результате познакомился, он сказал: — Клюев, я — Кравченко.

Долго ходили, сидели на диванах, он меня взял под руку, и <мы>, прохаживаясь по застланным коврами комнатам, говорили об искусстве, литературе, он мне рассказывал о писателях, о Сережке³ Есенине, его истинном друге. Он прослезился, вспоминая о нем».

Почти полвека спустя, в 1976 г., А. Н. Яр-Кравченко восстановил по памяти события этого дня в следующей записи (хранится у Б. Н. Кравченко). «В 1928 году в зале <Общества> поощрения Художеств, в Ленинграде, на улице Герцена, 38, была открыта выставка художников-куинджистов. Приехав издалека, я с жадностью рассматривал экспонированные тут работы. Среди многочисленных зрителей я обратил внимание на пожилого человека с бородой, в поддевке и сапогах. Сначала удивился, потом поразило, как он внимательно рассматривал рисунки, этюды и картины. Он смотрел, а вокруг него толпа. Все интеллигенция, люди искусства. Слышу, заговорил, да как заговорил! Умно, осмысленно и толково. Я посмотрел еще раз на старика и пошел в следующий зал. Увидел прекрасные портреты Ф. Бухгольца. Среди изображенных артистов, писателей и поэтов был и человек с бородой. Вгляделся в надпись под портретом: „Поэт Н. Клюев“.

К этому времени с группой зрителей в зал вошел и он. Я присоединился к идущим и оказался возле поэта. Рассматривая пейзаж, он склонился к этикетке, но, видимо, без очков не мог прочесть и обратился ко мне: „Вы

³ «Сережке» — здесь явная вольность Анатолия, сам же Клюев, по словам Бориса Никифоровича, вспоминая о Есенине, называл его не иначе как только «Сереженькой».

не будете добры прочесть, что тут написано?". Я пробежал глазами и прочел вслух. Он поблагодарил меня, завязался разговор, и мы познакомились. Я сказал, что приехал поступать в Академию художеств. Он пожелал мне успеха, и мы пошли, продолжая осмотр выставки и обмениваясь мнениями. Долго ходили, устали и присели на диван отдохнуть; говорили об искусстве, литературе, он рассказывал о писателях, я завел разговор о Есенине, он прослезился, вспоминая о нем. К нам подошли две дамы, Клюев представил меня: „Вот молодой художник, знакомьтесь“. Я назвал себя. „А это, — сказал Клюев, — жена Есенина — племянница⁴ графа Л. Н. Толстого Софья Андреевна“. — „Очень приятно“. И я пожал протянутую мне руку. Осмотрев выставку, все пошли к Ключеву домой, на улицу Герцена. Это было началом нашего знакомства». Далее А. Н. Яр-Кравченко пишет: «Позже, уже сдружившись, мы вместе посещали многих художников, поэтов и писателей. Клюев познакомил меня с А. Рыловым, К. Петровым-Водкиным, С. Власовым, В. Щербаковым, с писателями А. Толстым, В. Шишковым, К. Фединым, А. Белым и со многими другими.

Была такая традиция: когда художники возвращались с летних этюдов, приглашали Ключева на „крестины“. Он брал и меня с собой. Рассматривая этюды, каждый старался придумать им названия. Помню один этюд С. Власова: дерево, под ним скамейка, вещь обыкновенная, а когда Клюев ее „окрестил“ — „Мне припомнилась юность далекая“ — все ее увидели по-другому и нашли в ней большой смысл.

Я учился в студии В. Е. Савинского и там подружился с Ю. Непринцевым. Однажды приехал его отец, известный тбилисский архитектор, и, увидев на выставке этот этюд, приобрел его. Сын возмущался покупкой отца, считая этюд малоинтересным. Тогда отец сказал: „Это хорошая вещь. Когда я прочел ее название «Мне припомнилась юность далекая», я вспомнил свою молодость и захотел эту вещь иметь у себя на стенке“.

У Ключева я встречался с А. Белым, А. Чапыгиным, В. Рождественским, А. Прокофьевым, В. Саяновым, Н. Брауном и многими другими.

Николай Алексеевич слагал свои стихи на прогулках, сидя дома, оттачивал эпитеты. И все в себе. На бумаге они появлялись, когда их надо было нести в редакцию для издания. Много стихов и поэм записал я.

В то время мне много позировали писатели и поэты. Позировал и Николай Алексеевич. Я сделал с него 8 портретов акварелью и маслом. Во время сеансов мы много говорили об искусстве, о судьбах людей искусства. Он

⁴ Ошибка памяти А. Н. Яр-Кравченко: С. А. Есенина-Толстая приходилась Льву Толстому внучкой.

был очень интересный собеседник. Когда у него сидишь, бывало, видишь как бы весь мир. Его эрудиция, знания и образное восприятие жизни поражали. Сколько, слушая Клюева, я увидел заново, представил и вообразил!

Мои работы ему очень нравились, он восхищался ими и посвятил мне много стихов».

Так родилась эта дружба. Через год, 4 марта 1929 г., Анатолий писал: «Милые мои родители, я хотел бы с Вами разделить один сложный вопрос и получить согласие или совет. Сейчас, когда в Москве и Ленинграде до 8 известных Кравченко (певцов, художников, графиков, литераторов, артистов), я хочу изменить свою фамилию приставкой „Яр“. Я говорил с Коленкой, и он это придумал. В марте выйдет альманах со стихами, (...) посвященными мне, и Коленка хочет написать так: „Анатолию Яр-Кравченко“. Это очень гармонично. Не правда ли? Напишите ваше мнение, я вразрез не пойду».

Родители не возражали. Под своей обновленной фамилией и стал Анатолий Кравченко известен вскоре как художник. Этот случайный, казалось бы, эпизод характеризует прежде всего самого Клюева, с его стремлением подчинить своему художественному миру саму реальность, равно как и с его аввакумовской страстью отвергать те или иные ее стороны. Перелистывая сборники стихов поэта от первого до последнего, то и дело натыкаешься глазами на этот особенно устойчивый, если не сказать, упорный эпитет клюевского мироощущения — «ярый». В нем выражение язычески-буйной силы жизни: «ярые крылья», «ярая бровь», «ярый кречет», «ярые роды», «давяще-яр в плечах» (о парне), «ярые кресцы», «ярые сердца», «ярый гнев», «светел и яр» (серафим), «ярые сыны», «Ярые Очи» (изображение Спаса на иконе) и т. д. В стихах Клюева рубежа 20—30-х годов, посвященных Анатолию Яр-Кравченко, этот эпитет присутствует в закодированном виде, в ассоциациях образа героя с образами природы (флоры и фауны), исполненными буйно растущих и цветущих сил.

В 1929 г. Клюевым была подарена молодому художнику последняя изданных при жизни поэта книга «Изба и поле» (1928) с автографом, стилизованным в духе средневековых посланий: «Сладчайшему брату Анатолию Кравченко стихи мои — цветы с луга Пантелеймона во исцеление печали душевной — на радость и торжество светлой любви моей. Дано в моей келье во граде святого Петра, в лето по Рождестве Бога-Слова 1929 в Татьянин день.

Недостойный Николай Клюев».

Н. А. Клюев и А. Н. Яр-Кравченко встречались и бывали вместе, проживая в Ленинграде, одно время даже на одной и той же улице Герцена (Клюев жил в доме 45, кв. 8 — в бывшем доме князей Мещерских, теперь Дом Союза композиторов; Яр-Кравченко вместе с семьей — в доме 33, кв. 17). Летом 1929 г. они вместе были в Саратове, где Никифор Павлович работал на строительстве участка железной дороги Саратов-Миллерово и где в летние месяцы проживала с ним приехавшая из Святошина вся семья. С 1929 по 1932 г. они проводили лето в деревне Потрепухино на реке Вятке, неподалеку от городища Кукарки (ныне город Советск) Кировской области, где художник много рисовал поэта. Там были сочинены Клюевым и записаны Анатолием публикуемые ниже стихи; к их пребыванию в Потрепухино относится также публикуемая ниже запись Анатолия о своем старшем друге. С 1932 г., обменяв свою ленинградскую жилплощадь на московскую, Клюев переезжает в столицу и поселяется там в Гранатном переулке, дом 12, кв. 3 (ныне улица Щусева, дом не сохранился). Анатолий часто приезжал туда к нему из Ленинграда, откуда они вместе ездили на Вятку, в село Потрепухино.

Помимо стихотворений, посвященных Анатолию Яр-Кравченко, составляющих довольно весомый пласт лирики позднего Клюева, поэт писал ему письма. Писал в Ленинград из Москвы (1930—1933 гг., их копии хранятся в Рукописном отделе ИРЛИ, архив Р. В. Иванова-Разумника); из Сочи, где поэт отдыхал по путевке Литературного фонда Союза писателей (ноябрь 1931 г.); из северо-западной Сибири (сначала из поселка Колпашево, затем из Томска). Письма из этого последнего пункта отправления адресовались, как уже было сказано, Борису, проживавшему в это время в Ленинграде (Набережная реки Мойки, дом 37, кв. 8), в семье своей жены. Ему была прислана Клюевым и поэма «Кремль» для Анатолия, который должен был передать ее куда-то для публикации. В 1935 г. Борис был призван на службу в армию, а когда в 1937 г. зашел в квартиру, где до призыва проживал вместе с женой и ее родителями, там жили уже другие люди. И присылаемые на этот адрес письма из Сибири, естественно, не доходили по назначению.

Кроме писем Н. А. Клюева к Анатолию Яр-Кравченко и другим лицам, публикуются нами и его стихи в записях друга, обнаруженные в бумагах последнего, а также фрагмент из записной книжки художника, в котором воссоздаются живые черты поэта в бытовой обстановке. Все эти матери-

лы, одни датированные точно, другие приблизительно, относятся к концу 20-х и первой половине 30-х годов — последнему периоду жизни и творчества Н. А. Клюева.

Письма Н. А. Клюева к А. Н. Яр-Кравченко

1

Москва. <1933>.

Садись за блюдо черных сот,
Геенский сорок пятый год!
Желанный год пятидесятый, —
Величье лба от Арарата,
И в бороде, как меж холмов,
Голубоватый блеск снегов,
Еще незримых, но попутных,
На братьев пестрых и лоскутных
Глядит, как дуб, вершиной вея,
На быстротечные затеи
Веселых векш и диких яблонь...

Я твой, любовь! И не озябло
Подсолнечник — живое сердце,
Оно пьет сумерки ведром,
Степную сыть чумацким возом,
Но чем пьяней, махровой розам,
Тем слаще жалят их шмели,
И клонят чаши до земли,
Чтобы вино смешалось с перстью...
Не предавай меня безвестью,
Дитя родное! — Меж цветов
Благоухает лепестков
Звонящий ворох, это песни,
За них стань прахом и воскресни!¹

Николай Клюев.

Дорогой мой племянник.² Кланяюсь тебе и посылаю свое благословение, извини, что задержал прилагаемые стихи, но все время у меня, как и у тебя, занято новым человеком, который вошел в мою жизнь. Прекрасный и свежий, как лесное карельское озеро, — он пьет мое сердце, мои слезы и поцелуи <...> Он нежен и внимателен

ко мне — утешает меня сладкими словами, на какие способен <...> Что будет даль«ше» — Бог знает, но сейчас сердце мое хотя и в скрытой тревоге, но согрето <...>³ Кольцо твое получено и висит на кухне на гвоздике над полкой верхней. Я тронут доверием Зинаиды⁴ ко мне — еще не остывшему, по ее словам, негодяю! Кланяюсь ей и мысленно преподношу самую белую розу. Прошу тебя в свою очередь позвонить Прокофьеву⁵ о скорейшей высылке аванса. С книгой, конечно, ничего путного не выйдет.⁶ Похлопочи, дорогой друг, на последках — постараюсь тебя больше не беспокоить. Я очень болен — опять сильнейшие головокружения и т. п.

Настоящие стихи приложи к книге.⁷ Жду немедленного ответа. Нельзя ли прислать цветного оттиска моего портрета!? В книгу я желал бы меня, читающего Погорельщину.⁸ Это было бы весьма приятно!

Как твои карие яхонты?⁹ Померкли для меня — твоего придворного поэта навсегда?.. Целую тебя в них, пусть они поплачут о моей и своей судьбе! Знать это — утешительно. Адрес: Москва, Гранатный переулок, № 12, кв. 3. Николаю Алексеевичу Клюеву.

¹ Настоящий текст представляет собой лишь часть письма, о чем свидетельствует цифра 3, которой помечен уголок листа, заполненного данным письмом, начинающимся стихами. Что было на утерянных предшествующих двух страницах, догадаться нетрудно: 3-я страница начинается с окончания стихотворения «Годы», следовательно, 1-я и 2-я страницы были заполнены основной частью этого стихотворения. И таким образом становится ясно, почему в хранящемся в Рукописном отделе ИРЛИ архиве Р. В. Иванова-Разумника (ф. 79, оп. 92) стихотворение «Годы» не имеет концовки. Дело объясняется просто. Вместе с сопроводительным письмом Анатолию оно направлялось в Ленинград как добавление к основному корпусу находящегося в «Издательстве писателей в Ленинграде» сборника поэта «О чем шумят седые кедр». Издательство в это время прекратило свое существование, и судьба сборника решалась отрицательно (впрочем, не только по этой причине). Новым стихотворением Клюева заинтересовался Иванов-Разумник, давний ценитель его поэзии. Анатолий Яр-Кравченко отдаст ему первый лист с основной частью стихотворения, оставляя себе лишь его концовку, записанную на общем листе с письмом. Так в подборке стихотворений Клюева в архиве Иванова-Разумника появилось стихотворение «Годы» без концовки. Но все стихи Клюева в этом архиве дошли к нам лишь в машинописной копии. Какова же судьба их оригиналов и, в частности, записанного на первых двух страницах данного письма стихотворения «Годы» — неизвестно. В 1988 г. К. М. Азадовским оно было опубликовано полностью по списку, хранящемуся в архиве Н. И. Архипова (Родник. 1988. № 6 / 18).

² Так иногда Клюев называл Анатолия Яр-Кравченко. В архиве Р. В. Иванова-Разумника хранится копия клюевского заявления в домовый комитет по месту жительства в Ленинграде (ул. Герцена, дом 45, кв. 8) по поводу беспрепятственного вывоза Анатолием его вещей в Москву, где поэт в это время проживал, хлопоча об обмене ленинградской жилплощади на московскую: «Прошу не препятствовать в выдаче моей корзины моему племяннику А. Кравченко, что и свидетельствую своей подписью. Николай Клюев. 1 июля 1931 г.» (ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, № 209).

³ Имеется в виду один из последних друзей Клюева Лев Иванович Пулин (1908—1969), впоследствии (в 1950—1960-е годы) технический редактор Приок-

кого книжного издательства. Сходными словами Клюев характеризует его и в письме (уже из ссылки) к другому своему адресату — В. Н. Горбачевой (жене С. А. Клычкова): «Мой друг Лев Иванович Пулин, который жил у меня, сослан в Сибирь же в Марининский лагерь на три года,— пишет мне удивительные утешающие письма, гаснет и слова упрека за загубленную прекрасную юность. Вы его не знаете, но, быть может, видели когда-либо. Упоминаю об этом как об исключительном событии в моей жизни поэта» (Николай Клюев в последние годы жизни: письма и документы // Новый мир. 1988. № 8. С. 183).

⁴ Имеется в виду Зинаида Павловна Воробьева (1902—1985) — первая жена Анатолия Яр-Кравченко.

⁵ Прокофьев Александр Андреевич (1900—1971) — поэт, близкий Клюеву в ленинградский период его жизни (вторая половина 20-х — начало 30-х годов). В 1932 г. А. Н. Яр-Кравченко нарисовал его портрет (хранится в музее Пушкинского Дома, воспроизведен в сборнике поэта «Стихотворения» (Л., 1932)). В архиве Б. Н. Кравченко этот сборник сохранился с дарственной надписью художника своему отцу: «Дорогому папочке! дарю мою первую радость, с чувством большой благодарности и любви в этой жизни. А. Яр-Кравченко. 19 янв. 1933» Самим Прокофьевым было подарено А. Яр-Кравченко несколько сборников своих стихотворений с надписями, одна из которых на книге «Избранное» (Л., 1935) гласит: «Анатолию Яр-Кравченко, прославленному в днях земли великой. А. Прокофьев. 12 апр. 1935» (хранится в семейном архиве Б. Н. Кравченко). В Рукописном отделе ИРЛИ в архиве Прокофьева находятся три письма к нему Клюева, относящиеся к началу 30-х годов. Приводим одно из них: «Дорогой поэт, кланяюсь Вам низко и всегда вспоминаю внимание и сердечность Вашу и жены Вашей. Я задыхаюсь в своем подвале, как говорится, света божьего не вижу. Прошу Вас усердно об авансе из Современника. Нужно и необходимо уехать в деревню — но вся надежда на Ваш присыл денег. Помогите! Лето проходит... Мне ведь очень тяжело. Адрес: Москва, Гранатный переулок, дом 12, кв. 3. С творческой преданностью Н. Клюев» (Москва. 1985. № 12. С. 181. Публикация В. В. Базанова). В письме этом Клюев обращается к Прокофьеву как к члену сформированной в 1932 г. редколлегии журнала «Литературный современник» (выходил до 1941 г.). Но какое произведение Клюева предполагалось к напечатанию в этом журнале в 1933 г., остается пока не выясненным. По крайней мере ни одно из них в этом журнале опубликовано не было.

⁶ Речь идет о подготовленной Клюевым в 1933 г. для «Издательства писателей в Ленинграде» книге созданных в конце 20-х—начале 30-х годов и посвященных А. Н. Яр-Кравченко стихотворений — «О чем шумят седые кедр». Книга издана не была (см.: *Азадовский К. М.* Стихотворения Н. А. Клюева 30-х годов // Байкал. 1978. № 3). А. А. Прокофьев упоминается в этом письме скорее как посредник между поэтом и издательством.

⁷ В сохранившейся машинописи неизданного сборника стихотворений Клюева «О чем шумят седые кедр» присланного в этом письме стихотворения «Годы» нет. Впрочем, из машинописи, судя по ее нумерации, изъято 9 страниц. Возможно, среди них оно и было.

⁸ В 1932 г. А. Н. Яр-Кравченко был сделан портрет Клюева, читающего свою поэму «Погорельщина» (1928). В его записной книжке (хранится у Б. Н. Кравченко) по поводу этого портрета имеется запись от 21 марта 1933 г., в которой речь идет о посещении в Детском Селе художника К. С. Петрова-Водкина (1878—1939): «Петров-Водкин сказал, что мой Чапыгин и Клюев ему не нравятся («с ромашками») — дайте человека (Клюева), а это разве портрет. На Чапыгина — это вроде И. Грабарь. Понравился же ему этюд Клюева, читающего (экспрессия) „Погорельщину“ (7 главу)».

⁹ «Яхонт» — устойчивый образ поздней лирики Клюева, посвященной А. Яр-Кравченко. Ср.: «Пусть тростники моих седин, Как речку, юность окаймляют, Плывая по розовому маю. Причалит сердце к октябрю, В кленовый яхонт и зарю» (Клюев Н. А. Стихотворения и поэмы. Архангельск, 1986. С. 192); «Так не печалится о брате, Друзья о друге дорогом, Свет предвечерний на закате О пребывании земном... Как я о яхонтах глубинных В твоих морях, в твоих зрачках, Так в шумах липовых вершинных Всегда звенит разлуки страх!»; «Брыкастый выпил глубину И данью колдовскому дну Оставил очи — яхонт карий...»; «Чтобы размыкать на просторе, В морях или лесном пожаре Глухую весть, что яхонт карий Твоих зрачков горит сладой...» (Наше наследие. 1991. № 1. С. 115, 116).

2

«Колпашево. Начало осени 1934 г.¹».

Дорогое дитяtko, я послал тебе две телеграммы и большое спешное письмо и доверенность — просил известить о получении телеграфом, но нет и нет от тебя весточки! Ну, здравствуй! Целую тебя крепко и заочно в сердце твое, такое уже мужественное, прекрасное и простое! Прошу тебя известить телеграфом, где ты будешь проводить летний отдых, лучше бы всего в Сочи в санатории писателей — поприимал бы мацесты,² укрепил бы сердце и нервы. Теперь там самое бархатное солнце и виноград. Простираюсь памятью к хрустальным берегам югочерноморья... Где ты, сказка моя? Я живу днем. Когда наступает ночь, с ужасом думаю, что проснусь к новым страданиям. Конечно, достаточно мне услышать звук твоего голоса, чтоб я проснулся и пришел в себя, а так я разрушаюсь невероятно быстро, а главное не могу гармонизировать себя, собрать в кучу. Знаю, что многие миллионы двуногих существ всю жизнь пребывают в таком именно состоянии и что оно весьма помогает тому, чтобы слиться с человеческим стадом, но я знаю, что тогда нужно сказать прости себе как художнику, а это равносильно для меня самоубийству.

Дорогое дитя мое! Я бы не хотел, и для меня очень тяжело описывать тебе свои нужды, ведь нищета скучная вещь, и пронзять твое сердце видениями и жалами горя, будней, голода и холода — самое вредное дело. Припомни нашу совместную жизнь, когда все мое напряжение было устремлено на то, чтобы украсить, насколько позволяли обстоятельства, твое бытие. Хотя бы чашкой кофе, сдобными пышками, стихами и образным мышлением... Теперь же как мне быть? Я в великой нищете. Впереди... Но что об этом рассуждать? Иногда собираюсь с рассудком, и становится понятным, что меня нужно поддержать первое время, авось мои тяжелые

крылья, сейчас влачащиеся по земле, я смогу поднять. Моя муза, чувствую, не выпускает из своих тонких перстов своей славянской свирели.³ Я написал, хотя и сквозь кровавые слезы, но звучащую и пламенную поэму.⁴ Пришлю ее тебе. Отдай перепечатать на машинке, без опечаток и искажений, со всей тщательностью и усердием, а именно так, как были напечатаны стихи, к титульному листу которых ты собственноручно приложил мой портрет, писанный на Вятке на берегу с цветами в руках — помнишь?⁵ Вот только такой и должна быть перепечатка моей новой поэмы. Шрифт должен быть чистый, не размазанный лилово, не тесно строчка от строчки, с соблюдением всех правил и указаний авторской рукописи и без единой опечатки, а не так, как были напечатаны стихи «О чем шумят седые кедры», что, как говорил мне Браун,⁶ и прочитать нельзя, и что стало препятствием к их напечатанию и даже вызвало подозрение в их художественности. Все зависит от рукописи и как ее преподнесешь. Прошу тебя запомнить это и потрудиться для моей новой поэмы, на которую я возлагаю большие надежды. Это самое искреннейшее и высоко зовущее мое произведение. Оно написано не для гонорара и не с ветра, а оправдано и куплено ценой крови и страдания. Но все, повторяю, зависит от того, как его преподнести чужим, холодным глазам. Если при чтении люди будут спотыкаться на каждом слове и тем самым рвать ритм и образы, то поэма обречена на провал. Это знают все поэты. Перепечатка не за спасибо и не любительская стоит недорого. Текста немного. Лучше всего пишущая машинка, кажется, системы ундервуд. Прежде чем отдавать печатать, нужно спросить и систему машинки, а то есть ужасные, мелкие и мазаные. Отнюдь не красным шрифтом — лучше всего черным. Все это очень серьезно.

С радостью я всматривался в снимок с портрета твоей работы — Зоценко.⁷ Как ты растешь, дитя мое! Глупая болтовня Сонечки Калитиной,⁸ конечно, не причем. Но сколько вкуса в Зоценко! И античный барельеф на стене, и простота позы придают глубину и смысляют всякое легкомыслие с этого писателя. Мера портрета, пропорция, весь план говорят о высоком твоём чутье. Прошу тебя, присылай мне все, что можешь. Снимки, книги, журналы. В моем сером бытии все это будет празднично и сладко! У меня голые стены, но на зиму, вероятно, придется залечь в земляную яму с каменной, как в черной бане, так как я не смогу платить за жилье 20 руб. в месяц.⁹ Ах, если бы были эти аккуратные ежемесячные 20 рублей! Я бы имел совершенно отдельную келью с изысканной плотной дверью, с оконцем на сосновый перелесок, с теплом, тишиной и чистотой, отсутствие которых причиняет мне нестерпимое страдание! Подумай об этом, дитячко!

¹ Приблизительная датировка и место написания устанавливаются по содержанию письма, а также путем сопоставления с письмами к другим адресатам в первые месяцы пребывания поэта в ссылке (к Н. Ф. Христофоровой-Садомовой, к С. А. Клычкову, к В. Н. Горбачевой). Так же как и в этом письме к А. Н. Яр-Кравченко, в них упоминается о получении журнала с портретом М. Зощенко, о первых хлопотах реабилитационного характера. Основным критерием определения места написания (Колпашево, а не Томск, куда поэт был переведен в октябре 1934 г.) является упоминание о «земляных ямах», о которых поэт сообщал и другим своим адресатам именно из Колпашева.

² В курортном месте Мацеста, неподалеку от Сочи, Ключев отдыхал осенью 1931 г. Из Мацесты было им послано Анатолию в Ленинград письмо следующего содержания: «18 XI. Мацеста. Тридцать тепла. Купаются в море. Мое окно прямо на море и бархатные дубы.— Такая радость и вместе грусть, что нет, тебя — лебеденок мой! Комната на одного, отношение чрезвычайно внимательное. Первый выход в общую столовую под бурные аплодисменты. Сердцу лучше, доктор утешает, что не умру. Послал тебе телеграмму, чтобы выслал спешно „Стихи из колхоза“ — жду, крепко и преданно целую» (ИРЛИ, ф. 79 (архив Р. В. Иванова-Разумника), оп. 4, № 209).

³ «Славянский» генезис своей музыки Ключев в этот период усиленного гонения на все, что со знаком обреченности объявлялось тогда «неославянофильством» и «русопятством», подчеркивает неоднократно. Так, на запрос Ленинградского Союза писателей относительно его, Ключева, идеологической позиции он в своем заявлении писал: «Если средиземные арфы живут в веках, если песни бедной, занесенной снегом Норвегии на крыльях полярных чаек разносятся по всему миру, то почему же русской берестяной Сирин должен быть ошпан и казнен за свои многопестрые колдовские свирели?» (по копии, хранящейся в архиве Б. Н. Кравченко). В письме к Н. Ф. Христофоровой-Садомовой из Сибири от 5 октября 1934 г. поэт следующим образом характеризует свою музыку: «За оконцем остячкой избы, где преклонила голову моя узорная славянская музыка, давно крутится снег...» (Красное знамя. Вытегра, 1985. 17 октября).

⁴ Речь идет о написанной Ключевым сразу же в первые месяцы ссылки, в надежде на смягчение своей участи, поэме «Кремль», уже самим заглавием раскрывающей и ее содержание и ее цель. Вопрос о написании произведений, «созвучных» эпохе, возникал перед поэтом, жившим в самую горячую пору осуществления «грандиозной ломки», во всей его мучительной остроте. Примирению с разрушительными по отношению к национальной культуре тенденциями новых властей поэт, назвавший себя «жгучим отпрыском Аввакума», сопротивлялся поистине с аввакумовским упорством и свой вынужденный компромисс формулировал в стихотворении «Нерушимая стена» (1928—1930) следующим образом: «Рогатых хозяев жизни Хрипом ночных ветров Приказано золоторизней Одеть в жемчуга стихов. Ну что же? — Не будет голым Тот, кого проклял бог...» (Ключев Н. А. Стихотворения и поэмы. Архангельск, 1986. С. 172). В цитированном выше заявлении в Ленинградский Союз писателей он пытался оправдать верность своим творческим идеалам, своей поэтической самобытностью (даже в «искреннейших песнях революции») тем, что не хочет «дать врагу повода для обвинения» его, поэта, «в неприкрытом холопстве» перед новой властью и ее идеологией. В ссылке, с ее нечеловеческими условиями существования, искушения писать «созвучно» находят, наконец, в душе поэта лазейку. В письме к Н. Ф. Христофоровой-Садомовой от 28 июля 1934 г. из Колпашева он с тоской пишет: «Недавно я получил сообщение, что мне разрешено печататься везде, где пожелаю, дело лишь за созвучными с нашей эпохой произведениями. Но не оставляйте меня! Время свое покажет. Вот идет полярная зима, уже тянет из тундры изморозью по вечерам, а я ведь только что перенес воспаление легких, очень слаб, говорю и глухо кашляю. Если

к этому добавить старинную болезнь сердца, общий ревматизм и болезнь сосудистой ткани, то хлопотать обо мне долго не придется» (Нева. 1988. № 12. С. 187. Публикация К. М. Аздовского). А двумя неделями раньше, 12 июля 1934 г., направляется им из Колпашева в Москву, во Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет заявление, содержащее следующие признания и заверения поэта: «После двадцати пяти лет моей поэзии в первых рядах русской литературы я за безумные, непродуманные строки из моих черновиков, за прочтение моей поэмы под названием „Погорельщина“, основная мысль которой та, что природа выше цивилизации, послан Московским ОГПУ в Нарым на пять лет.

Глубоко раскаиваясь, сквозь кровавые слезы осознания нелепости моих умозаключений, невыносимо страдая своей отверженностью от общей жизни страны, ее юной культуры и искусства, я от чистого сердца заявляю ВЦИКомитету следующее:

Признаю и преклоняюсь перед Советовластием, как единственной формой государственного устройства, оправданной историей и прогрессом человечества!

Признаю и преклоняюсь перед партией, всеми ее директивами и бессмертными трудами!

Чту и воспеваю Великого Вождя мирового пролетариата товарища Сталина!

Обязуюсь и клянусь все силы своего существа и таланта отдать делу социализма.

Прошу помилования» (цит. по: Клычков Г. С., Субботин С. И. Николай Клюев в последние годы жизни: письма и документы // Новый мир. 1988. № 8. С. 171). В подтверждение тезисов этого заявления и была, вероятно, написана поэма «Кремль». Посланная А. Н. Яр-Кравченко для передачи в редакцию какого-нибудь солидного ответственного журнала, а может быть, и в сами высокие инстанции, она не была напечатана, а в годы войны пропала вместе с другими материалами поэта, хранившимися у художника.

⁵ Речь идет о портрете Клюева, писанном А. Н. Яр-Кравченко в деревне Потрепухино на реке Вятке в 1932 г., где они проводили летние месяцы. Опубликован Г. Маквеем во 2-м томе «Собрания сочинений» Клюева, изданного в Мюнхене в 1969 г. В настоящее время местонахождение его неизвестно.

⁶ Браун Николай Леопольдович (1902—1975) — поэт, с которым Клюев общался в ленинградский период своей жизни. В архиве Б. Н. Кравченко хранится книга его стихов «Новый круг» (1928), подаренная Клюеву с надписью: «Клюеву Николаю Алексеевичу, дорогому светлому поэту, которого давно и крепко люблю. Николай Браун. XII. 28. Новая деревня».

⁷ Имеется в виду протрет М. Зоженко, писанный А. Яр-Кравченко в 1934 г. и воспроизведенный в ленинградском журнале «Резец» (1934, № 4) вместе со статьей «Большие горизонты. О художнике А. Н. Яр-Кравченко», подписанной Павлом Калитиным. В архиве Б. Н. Кравченко хранится книга М. Зоженко «Письма к читателю» (Л.; М., 1931), подаренная автором художнику с надписью: «Дорогому Анатолию Никифоровичу Кравченко, замечательному художнику, на память о нашем знакомстве. Михаил Зоженко. 24 января 1934 г.». Своей радостью по поводу удачи молодого художника Клюев делился и в письмах из сибирской ссылки другим адресатам: «От Толи получила письмо...» Он переведен в третий индивидуальный класс. Читал о нем статью в журнале — называется „Большие горизонты“. Мне очень приятно, что мой посев принес в лице этого юноши пока еще цветы, а в будущем, быть может, и плоды. Его последняя живописная работа — „Портрет Зоженко“ — очень хорош, помещен в журнале и прислан мне» (письмо Н. Ф. Христофоровой-Садомовой от 28 июля 1934 г.: ИРЛИ, р. 1, оп. 12, № 534).

⁸ Подписанная Павлом Калитиным (малозначительным ленинградским поэтом 30-х годов) статья о А. Н. Яр-Кравченко на самом деле была написана его женой С. Калитиной (литератором-публицистом).

⁹ По поводу возможности провести зимовку в «земляной яме» Клюев в письме к Н. Ф. Христофоровой-Садомовой от 10 июня 1934 г. из Колпашева писал: «Угли и

конуры здесь на вес золота. Ссылные своими руками роют ямы, землянки и живут в них, иногда по 15-ть человек в землянке. Попастъ в такую человеческую кучу в стужу считается блаженством. Кто кончил срок и уезжает, тот продает землянку с печкой, с окном, с жалкой утварью за 200—300 рублей. И для меня было бы спасеньем одному зарыться в такую кротовью нору плакать и не на пинках закрыть глаза навеки» (Нева. 1988. № 12. С. 185. Публикация К. М. Азадовского).

3

«Томск, 23 и 29 декабря 1936 г.»

Незабвенное дитя мое!

Я получил твое письмо из Москвы. Ты знаешь мои чувства на все случаи твоих триумфов или утрат, поэтому воздерживаюсь их повторять. Слишком я болен и слаб, чтобы в тысячный раз уверять тебя в моей любви и преданности к тебе. Не требуй у жертвы, когда над ней уже поднят топор, сладких клятв и уверений. Твою укоризну, что я тебя забыл, сердце мое принимает только лишь как кокетство. Это вполне понятно в твои годы и в твоём нынешнем положении! В письме по дяде Пеше¹ я написал тебе самые нужные, самые глубокие слова, на которые я способен. Если они дошли до твоего сердца, то слава Богу, если же нет, то других слов к тебе у меня сейчас нет. Избранное и подлинное вообще редки. Я болен, хожу едва до нужника и в избу. Сейчас меня гонят из комнаты. Деться мне некуда, город завален приезжими, углы в татарских зловонных слободах² от 25 руб. и выше. Я нашел было через людей комнатку за 50 руб., но внезапно получил и к счастью от дяди Пешши уведомление, «что на Толю надейся как на весенний лед». И я остался в старом углу. Напрасно ты назвал этот угол «хорошей комнатой». Она, правда, очень опрятна, я в грязи не вижу ничего доблестного и сам мою, но она без печи, с ординарным полом, под которым ночуют уличные собаки. И это в Сибири, в морозы от 40° до 60°.

Никаких обещанных 150 руб. я не получил, хотя очень ободрился, когда получил заверения, что я буду получать их ежемесячно. То-то была бы радость! Конечно, я уверен, что ты это понимаешь и чувствуешь как никто! Как я чувствую, что салоны Парижа и Нью-Йорка увидят твои картины! При условии, что на первых порах ты не накопишь около себя толпу врагов и перестанешь разжигать в полулюдах зеленую зависть! Радостной теплотой полнит мое сердце от твоих слов: «Мир и красоту своего жилища я ценю выше всего». Я позволяю себе вместе с великим Вальтер-Скоттом сказать: жилища, — в котором живет и благоухает Книга Книг — Библия! Хотя найдется много пингвинов, тюкающих, что полет орла

к солнцу есть «упадочничество» и что внешний линолеумный комфорт — есть могучая жизнь. Дитя мое незабвенное, — поторопись милостыней! Пожалей меня! Еще прошу тебя — пошли посылкой акварельных красок: киновари, белил, спокойно-синей и охры от темной бурой до самой светлейшей! Две колонковых кисточки, самых острых и маленьких, и одну обыкновенную побольше для навешивания тонов! Мне очень нужно! Прости, дитятко! Благословляю, крепко обнимаю! Усердно прошу о милостыне! Вышли мне «Кремль»³ для переделки. Это очень важно!

23 декабря

Дорогое дитятко. Письмо было уже написано, как хозяйёва заявили мне, что дом они продают и уезжают к дочери в г. Барнаул. Пришлось спешно выехать в комнату по цене 6 «метров» зимних — 40 р. и 6 «метров» летних — 30 р. Я весь переполнен заботой и страхом, где я добуду аккуратную выплату!⁴ Помоги! Устрой. Ведь столько удобных средств и возможностей в твоих руках. Уверенно говорю, что если бы ты был на моем месте, я бы отыскал тебе 40 р. в месяц! Прости!

29 декабря.

Это письмо было послано не по почте. В архиве Б. Н. Кравченко оно находилось в конверте, на котором рукой А. Н. Яр-Кравченко карандашом написано: «Горин Исидор Абрамович. Гост. Европа». С этим человеком оно, видимо, и было послано Клюевым в Ленинград Анатолию. Письмо состоит из двух частей. Первая (большая часть) датирована 23 декабря. Дополнение на небольшом листке бумаги имеет дату — 29 декабря. Год отправки устанавливается по содержанию (см. также примеч. 2).

¹ Дядя Пеша — личность не вполне установленная. В письмах Клюева к Анатолию упоминается неоднократно. Так, в одном из писем 1930 г. из Москвы в Ленинград читаем: «Меня очень обижает дядя Пеша — с утра до двух-трех ночи осыпает бранью и издевательствами. Пока был здоров — то он воздерживался, но лишь только догадался, что я немного не могу обойтись без его ничтожных услуг, как показал свои когти. Как только поправляюсь, нужно принять меры, чтобы от него отделаться...» (ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, № 209). По словам Б. Н. Кравченко, он был земляком Клюева, из купчиков. В 30-е годы был репрессирован. Письмо, о котором идет речь, неизвестно.

² Ср. в письме поэта В. Н. Горбачевой от 22 декабря 1936 г.: «...у частников нужно искать по слободкам и трущобам на окраине города, а там зловонные татары и страшный культурный люмпен» (Новый мир. 1988. № 8. С. 198). Это и ряд других писем позволяют заключить, что публикуемое нами письмо к А. Н. Яр-Кравченко было написано именно в конце 1936 г., когда Клюев вынужден был искать новое пристанище.

³ О поэме «Кремль» см. примеч. 4 к письму № 2.

⁴ Судя по дате основной части письма (23 декабря) и дополнения к нему (29 декабря) переезд Клюева на новое местожительство состоялся между 24 и 28 декабря 1936 г. Адрес дома, где поэт снял угол, — Мариинский переулок, д. 38, — приводится в его письме к В. Н. Горбачевой в первой половине апреля 1937 г. (Новый мир. 1988. № 8. С. 199).

Письма Н. А. Клюева к Л. Э. Кравченко

1

Москва. 29 сентября 1932 г.

Дорогая Лидия Эдуардовна —

весьма и от всего сердца прошу Вас помочь мне в моей нужде — побыть до моего приезда¹ в моей квартире! Деньги и продукты с книжкой оставляю у Толочки на Ваше имя.

Низко кланяюсь и крепко надеюсь.

Н. Клюев.

Грамотный пер., 12, кв. 3. У Никитских ворот.

Это письмо было отправлено Л. Э. Кравченко вместе с письмом к ней Анатолия Яр-Кравченко, в котором сын писал матери: «Дорогая мамочка! Посылая письмо Николая Алексеевича, я хочу прибавить и рассказать тебе точнее, как сдать. Постарайся так выехать, т. е. достать билет, чтобы попасть в Москву не позже 5-го. Выехать надо 4-го. Денег Николай Алексеевич оставил тебе 100 р. Я, когда достану, то прибавляю еще. Жить ты будешь исключительно на пайке».

¹ Куда выезжал Клюев из Москвы в октябре 1932 г., остается пока невыясненным. По словам Б. Н. Кравченко, это была очередная поездка поэта в Сочи на курорт. Однако документальных подтверждений этому не имеется. Из архивных материалов известно по крайней мере о двух его поездках на Северный Кавказ — в 1930 и 1931 гг. Относительно первой из них в письме Анатолия Яр-Кравченко того же года к родителям читаем: «Клюев уезжает в Сочи. Его посылает литфонд бесплатно. 72 рубля дает на дорогу в Сочи и столько же обратно. На дорогу рассчитано специальное место. Обеды в международном вагоне и все издержки. В сплатории он пробудет 5 недель с 5 июля, обратно поедет в Вятку» (хранится в архиве Б. Н. Кравченко). О своей поездке на юг в 1931 г. поэт сам информировал Анатолия Яр-Кравченко в письмах к нему из Сочи и Мацеста осенью 1931 г. (см. примеч. 2 к письму Клюева к А. Н. Яр-Кравченко из Колапшево летом 1934 г.).

2

«Колапшево». 27 июня 1934 г.

Получил перевод по телеграфу 27-го июня. Всем сердцем Ваш. Жду письма, адрес — до востребования, Федору Васильевичу Иванову. Для переводов и посылок адрес остается прежний, т. е. с моей фамилией, именем и отчеством. Прошу усердно написать письмо. Я посылаю их несколько.

Колпашево. <Лето 1934 г.>

Дорогой Вячеслав Вячеславович¹

— после двадцати пяти лет моей поэзии в первых рядах русской литературы я за чтение своей поэмы «Погорельщина»² и за отдельные строки из моих черновикиков — слова моих стихотворных героев — сослан в Нарымский край, где без помощи добрых людей должен неизбежно погибнуть от голода и свирепой нищеты. Помогите мне чем можете ради моей судьбы художника и просто живого существа. Умоляю о съестной посылке. Деньги только телеграфом. Адрес: Север<о>-запад<ная> Сибирь. Нарымский край, поселок Колпашево, до востребования Клюеву Никола<аю> Алексеичу. Низко Вам кланяюсь.

Н. Клюев.

¹ Отчество писателя Шишкова Вячеслава Яковлевича (1873—1945) Клюев перепутал здесь, очевидно, с отчеством писателя Иванова Всеволода Вячеславовича (1895—1963), также проживающего тогда в г. Пушкине, которому было послано им письмо с подобною же просьбой. Вспоминая обстоятельства, при которых вручалось это письмо В. Я. Шишкову, Б. Н. Кравченко рассказывает: «Шишков жил в Пушкине где-то неподалеку от парка в одноэтажном деревянном домике. Разыскав его, я постучался, на стук вышел пожилой мужчина с бородой и пригласил меня войти за собой в сени. Когда мы вошли, он спросил: „Чем могу служить?“ — „Знали ли Вы поэта Клюева?“ — обратился я к нему. — „Да, знал“. Я подал ему письмо. Он взял его, быстро прочел и со словами „Очень жаль, очень жаль... Как он туда попал?“ — протянул мне письмо обратно. Я было замешкался взять, но он настоял: „Да вы возьмите, возьмите письмо-то... Спасибо, я это дело учту“. Затем, оставив меня в сенях, он сходил в комнату, принес блокнот и переписал в него адрес. Чувствовалось в нем какое-то беспокойство, встревоженность и намерение не задерживать посетителя. Так и осталось это письмо у меня. В феврале 1960 г. я подарил его известному ленинградскому коллекционеру полковнику В. И. Цветкову, со смертью которого оно было потом возвращено мне его наследниками обратно».

² «Погорельщина» (1928, в СССР опубликована впервые в 1987 г. в № 7 Нового мира) — поэма Клюева эпико-апокалиптического характера, поэтический и пророческий «плач» «песнописца Николая» (как называет себя здесь автор поэмы) по красоте и ладу исконной крестьянской жизни, обреченной на слом в условиях варварски проводимых в 20—30-е годы мер борьбы с духовно-нравственными традициями народа, с религией и вместе с возросшим на ее философской почве искусством. В сжатой и лаконичной форме дух «Погорельщины» находит свое выражение в следующей надписи Клюева на своей книге «Песнослов» (1919), подаренной им в 1929 г. итальянскому слаviste Этторе Ло Гатто, у которого этот текст и сохранился. «Этторе Лё Гатто Светлому брату. Песни мои Олонецкая, журавли да озерная гагары, — летите за синее море, под сапфирное небо прекрасной Италии! Поклонитесь от меня вечному городу Риму, страстотерпному праху Колизея, гробнице чудного во святых русских Николы Миостиваго, могилке сладчайшего брата калик пере-

хожих Алексия — человека Божьяго, соснам Умбрии и убрису Апостола Петра! Расскажите им, песни, что заросли русския поля плакун-травой невылазной, что рыдален шум берез новгородских, что кровью течет Матерь-Волга, что от туги и скорби своего панцырного сердца захлебнулся черной тиной тур Иртыш — Ермакова братчина, червонная сулея Сибирскаго царства, что волячим воем воют родимыя избы, замолкли грановитые погосты и гробы отцов наших брошены на чумных и смрадных свалках.

Увы! Увы! Лютой немочью великая, непрощенная и неприкаянная Россия! Николай Клюев. День Похвалы Пресвятыя Богородицы 1929 года» (цит. по: *Степанченко Д. И.* Римский автограф Николая Клюева // Красное знамя. Вытегра, 1989. 12 января; Текст сверен по факсимильному автографу, воспроизведенному в кн.: *Клюев Николай.* Соч. Мюнхен. 1969. Т. 2. С. 64—65). В «Погорельщине» этот комплекс раздумий и переживаний развернут в сменяющие одна другую картины крестьянской жизни в ее духовно-нравственных, бытовых, созидательно-творческих и обрядовых проявлениях. Затем следуют столь же последовательно сменяемые эпизоды гибели всего этого, символизируемой картиной пожара, в котором гибнут люди — творцы красоты, искусство, природа, но из которого, подобно Фениксу, невредимой вылетает и покидает этот край душа «нерукотворной России». Для поэта, уже лишённого к концу 20-х годов возможности печататься, единственным способом распространения своего самого значительного произведения было собственное чтение «Погорельщины» на закрытых и полужакрытых литературных вечерах. В своих «Воспоминаниях о Н. А. Клюеве» Рюрик Ивнев по этому поводу пишет: «В эту пору Клюев написал изумительную поэму „Погорельщина“, в которой описывается голод (не 1922 года — очевидно, более позднего времени). Он читал эту поэму во всех домах, в которых бывал (у Морозовых, Сытиных, у искусствоведа Анисимова и других). Напечатана на машинке она была во многих экземплярах. Поэма производила огромное впечатление на всех, кто ее слышал. Я бы сравнил ее с плачем „Сырдома“ в эпосе осетинского народа „Нарты“. Все тончайшие оттенки мучительного страдания от голода переданы были виртуозно. Это было высокое и горестное искусство» (*Ивнев Рюрик.* Воспоминание о Н. А. Клюеве // Байкал. 1984. № 4. С. 139). Б. Н. Кравченко вспоминает о чтении Клюевым этой поэмы в Саратове, также произведшем огромное впечатление на слушателей — местную интеллигенцию. Причину своего ареста и ссылки поэт ставил в прямую связь с чтением «Погорельщины» и подчеркивал это неоднократно. Так, помимо письма к В. Я. Шишкову он пишет об этом и в письме к С. А. Клычкову от 12 июня 1934 г.: «Я сгорел на своей Погорельщине, как некогда сгорел мой прадед протопоп Аввакум на костре пустозерском» (*Новый мир.* 1988. № 8. С. 168. Публикация Г. С. Клычкова и С. И. Субботина).

Стихи Н. А. Клюева конца 20-х — начала 30-х годов в записях А. Н. Яр-Кравченко

* * *

Вспоминаю тебя и не помню...¹
Отцвели резедовые дни.
На последнем пути не легко мне
Сторожить гробовые огни!

Скоро сердце уснет непробудно,
До заката не встретиться нам,
Присылай белокрылое судно
К полуночным моим берегам!

Там лишь звезды да сумрак голубый,
На утесе западающий крест,
И плывут в океанские губы
Паруса хороводом невест.

Стонет чайка о юном матросе,
Что погиб, роковое любя...
Не в дугах на душистом покосе
Я увидел, мой цветик, тебя!

Выла улица каменным воем,
Но таинственным поясом муз
Обручила мою песню с тобою
Легкокрылых художеств союз.

Светлый Власов² крестом Нередицы³,
Многострунной зарею Рылов¹
Утолили прохладой крипицы
Огневицу купальских стихов.

И теперь, когда головы наши
Подарила судьба палачу,
Перед страшной кровавою чашей
Я сладимую теплою свечу.

Чтоб черемуха с белою вербой
Целовалась с заветным окном.
Хорошо, когда жизнь на ущербе
Лебединым пахнула крылом.

Будто озеро в синих ирисах,
Ель цветет и резвится форель.
Только траурной мглой кинариса
Просквозило Карельский Апрель.

И стихи словно ласточки в поле
На отлете в лазоревый край...
Прощебечь, моя птичка, мой Толя,
Как чудесен твой детский Китай!

Как смешны в хризантемах зайчата,
Легковейны бубенчики пчел...
Я не знал ни жены, ни собрата,
Но в тебе свою сказку нашел.

Пусть же сердце уснет непробудно,
Зная тайну ревнивых веков,
Что плывет мое лунное судно
В лед и яхонт любимых зрачков.

1929.

* * *

Вот мальчик легкий и проворный
Пришел, чтоб рассказать о том,
Как «терпко» ленинские зерна
Взошли в затишье луговом.

Что в мир, где полонянка-хата
Обидой слабривала ночь,
Стучатся с ношею богатой
Искусство, дружба и любовь.

1929.

Художник

Рисую зелень, синие озера.
О, как бы ветром их разволновать!
В движенье жизнь! И чтобы тешить взоры,
Моим бы листьям надо облетать.

Я украшаю потолки цветами,
Но лепесткам их век не пожелтеть.
Рисую гнезда с юными птенцами,
А им одно бы — взять и улететь.

Под деревом олени молодые —
Но не бегут... И жаль моих лисиц.
Пишу портреты, их глаза живые,
Но как им дать боль дрогнувших ресниц?

1933.

¹ Это стихотворение, переписанное рукой Анатолия Яр-Кравченко (под диктовку поэта или с его автографа — неизвестно), было послано им в письме родителям из Ленинграда в Святошино, датированном 4 марта 1929 г. (в том самом, где речь идет о добавлении приставки «Яр» к его фамилии). В письме была также вложена наклеенная на паспарту фотография их обоих, Клюева и Яр-Кравченко, под которой (на паспарту) рукой Клюева была сделана следующая надпись: «Анатолию Яр-Кравченко — его прекрасной юности, в год моей последней любви и последних песен —

1929-й Николай Клюев». Ниже этой надписи его же рукой были записаны две строфы (первая и последняя) настоящего стихотворения. Фрагменты (7 строф) этого стихотворения были позже, в 1930 г., с незначительными изменениями перепосвящены поэтом певице А. В. Неждановой (1873—1950). Приведем эти немногие изменения. Вторая половина четвертой строфы в «неждановском» варианте читается: «Но в лугах — на душистом покосе Я услышал, царица, — Тебя»; первая половина восьмой строфы: «Чтоб малинник по девушке-вербе До рассвета рыдал соловьем...!» См.: *Клычков Г. С., Субботин С. И.* Николай Клюев в последние годы жизни: письма и документы // *Новый мир*. 1988. № 8. С. 173).

² Власов С. А. — художник, профессор Всероссийской Академии художеств, пейзажист. В конце 20-х—начале 30-х годов он был председателем «Общества покровительства художников имени Куинджи» (Ленинград, Герцена, д. 38), на выставке которого и познакомились 10 апреля 1928 г. Н. А. Клюев и Анатолий Кравченко.

³ Имеется в виду построенная в 1198 г. (при князе Ярославe) в Нередицах близ Новгорода церковь Спаса, знаменитая своими фресковыми росписями. В зените ее алтарного свода был изображен Спаситель в виде старца, голову которого украшала крестообразный нимб.

⁴ Рылов А. А. (1870—1939) — художник-пейзажист. В архиве Б. Н. Кравченко хранится посланная им Клюеву (по адресу: Ленинград, ул. Герцена, д. 45, кв. 8) художественная открытка с поздравительным текстом: «Христос Воскресе! С праздником Светлым поздравляю. А. Рылов. 14/4. 1928». Открытка представляет собой репродукцию известной картины Рылова «Перелет гусей». Здесь это название, данное типографским шрифтом зачеркнуто самим художником и вместо него его же рукой чернилами написано: «Лебеди над синим морем».

Из записной книжки Анатолия Яр-Кравченко

«Потрепухино». 17 июля 1931 г.

Ездил на сенокос. Бесконечно рад тому, что видел. Научился ездить верхом без седла. Научился косить и даже выкосил целую полосу. Узнал новые слова: стожар, ведро (солнечный день). Настала плохая погода. Небо серое. Моросит. Решил ехать домой. Были попутчики. Уцепился. Дорога тряская. Приехал в деревню Потрепухино (наша резиденция). Меня встретила Степановна: «Здравствуйте, здоровы ли? Мы с Николаем Алексеевичем страшно беспокоились. Он только что ушел, все писал. Поставить самоварчик?». Я, не раздеваясь, в макинтоше, перчатках и вместо шапки в обмотанной вокруг головы рубашке, наподобие чалмы, побежал искать Коленку. Я знаю его любимую дорожку (за плетень и к деревне Фоминых). Иду, смотрю, — нет. Дальше и дальше шагаю по травам, цветам, под свирелью жаворонка. В сердце любовь. Свернул. Глазами перебираю в беспокойстве. Наконец заметил кусочек головы без шапки... И скрылся. Когда я повернул еще, то увидел спину Кле-

ева. Он шел в «вы»шитой белой рубашке почти до колен. Болье брюки. В руке трость. Но я увидел, что он занят. Весь в думах, в сравнениях, стихах.

Я ускорил шаги. Но все же не успел. Николай Алексеевич дошел до ворот, которые служат началом деревни, загоном, и обернулся. Я увидел его профиль. Спокойное, вдумчивое и необыкновенно нежно-младенческое лицо в профиль. Потом он повернулся и, увидев меня, стал смотреть, приставив руку от света к лицу. А на лице сияла улыбка. Нежная, любовная. — «Жив? Как я рад. Здоров?». И когда я приблизился, мы расцеловались.

Бредем домой. Нас ждет горячий самовар. У Коленки сразу появилась яичница, варенье, стакан сливок, ягоды, кислое молоко, хлеб с маслом!

Когда я утолил голод, он сказал, дописывая лист: «Я хочу тебе прочесть, что я написал». И я с любовью слушал. Написано кровью. Такая сила, величественность, что поражаешься, слушая. Много говорили. Час, видимо.

Я пошел к зубной докторше. Возвращаюсь. В лесу на поддороге встречает Клюев. Целуемся. На лице его лежит забота. Он рассказывает: недалеко отсюда он ходил искать деньги. Здесь он встретился с ягодницами. Они просили два рубля. Он вынул 13 рублей денег. Но ягоды оказались плохие. Он отказался. Деньги с платком сунул в карман. Дома хватился, — их не оказалось. Мне стало жалко его.

Вечером увидели: едут четыре лошади. Коленка мне говорит: «Открой им ворота». Он стал спрашивать, нет ли масла. Масло оказалось. Стали покупать. Я побежал за деньгами. За это время он за махорку купил яиц. Отдав деньги, я пошел за махоркой. Вижу он, задрав полу рубахи, забрал яйца и пошел. Я передал махорку крестьянину.

Возвращаемся, ищем замок, которым перед этим отперли вход в горницу. Нет. Искали. Оказалось, Николай Алексеевич положил его на воз, когда он взял «яйца в» подол рубашки, а потом забыл. «Этого» с ним никогда не случалось. Он, чуть не плача, сказал: «Все стихи виноваты. Когда я пишу, я могу сказать «что-то» кому-нибудь или ответить — и забыть. Лишь потом в голове как-то разберусь». Клюев всегда же очень собранный человек. Ничего не забудет, не пообещает, не сделав этого.

— «Нет, после еды я не могу писать. Отяжеление. Надо даже не есть. И на реке не могу. Только на тропинке. Хожу и слагаю. Чтоб полный покой. И ничто бы не отвлекало».